

К Е Н

ФОЛЛЕТТ

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.

Кен Фоллетт

Обратный отсчет

«АСТ»

2000

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Фоллетт К.

Обратный отсчет / К. Фоллетт — «АСТ»,
2000 — (Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.)

ISBN 978-5-17-082989-7

Человек, одетый в отрепья и потерявший память, даже не знает пока, что он – доктор Люк Люкас, известный ученый, работавший над созданием нового американского искусственного спутника. Но амнезия не длится вечно, и это хорошо известно людям, готовым пойти на все, чтобы не дать Люкасу вернуть свое прошлое, – или попросту убрать его, если не сработают другие методы. Кто же охотится за ученым и заманивает его в сети? Конкуренты? Иностранцы шпионы? Или, напротив, – агенты ЦРУ, у которых есть собственные причины считать Люкаса опасным? Люк, оказавшийся в центре изощренной шпионской игры, не понимает, кто ему друг и кто – враг, кому можно доверять, а от кого следует бежать без оглядки...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-082989-7

© Фоллетт К., 2000

© АСТ, 2000

Содержание

Историческая справка	6
Часть первая	7
5.00	7
6.00	13
1941	15
6.30	22
7.00	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Кен Фоллетт

Обратный отсчет

Ken Follett

CODE TO ZERO

Originally published in English by Pan Macmillan.

Печатается с разрешения автора.

© Ken Follett, 2000

Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Историческая справка

Запуск первого американского искусственного спутника Земли «Эксплорер-1» вначале был назначен на среду 29 января 1958 года, однако был отложен на следующий день – по официальной версии, из-за погодных условий. Наблюдателей на мысе Канаверал это немало удивило: ведь во Флориде стоял ясный солнечный день. Тем не менее командование заявило, что может помешать сильный ветер в верхних слоях атмосферы.

На следующий вечер запуск был снова отложен – с тем же объяснением.

«Эксплорер-1» взлетел лишь в пятницу 31 января.

«...С самого своего возникновения в 1947 году Центральное разведывательное управление... истратило миллионы долларов на поиск химических веществ или иных тайных методов, позволяющих полностью контролировать сознание обычных людей, как желающих, так и не желающих этого: заставлять их действовать, говорить, выдавать самые тщательно охраняемые секреты и даже забывать по приказу».

Томас Пауэрс, из предисловия к книге Джона Маркса «В поисках «маньчжурского кандидата»: ЦРУ и контроль над разумом»

Часть первая

5.00

Ракета «Юпитер-Си» стоит на стартовой площадке «Комплекс 26» космодрома на мысе Канаверал. Из соображений секретности корпус ее укрыт брезентом: видна лишь хвостовая часть – такая же, как у известной баллистической ракеты «Редстоун». Но то, что скрывается под брезентом, не имеет аналогов в мире военной техники.

Он проснулся в страхе.

Нет, хуже – в ужасе. Тело напряжено, как струна, сердце отчаянно колотится, воздух вырывается из легких резкими толчками. После пробуждения легче не стало, – и наяву его не оставляла уверенность: случилось что-то страшное. Вот только понять бы что.

Он открыл глаза. Слабый свет, сочащийся из соседнего помещения, тускло обрисовывал очертания предметов. Обстановка вокруг казалась смутно знакомой. Где-то рядом журчала вода.

Он попытался успокоиться. Сглотнул, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, сосредоточился на своих ощущениях. Жесткий пол. Холодно. Ломит все тело, раскалывается голова, сухо во рту, к горлу подступает тошнота, словно с похмелья.

Дрожа от холода и страха, он сел. В ноздри ударила вонь моющего средства с хлоркой. В сумраке у противоположной стены белела шеренга умывальников.

Он в общественной уборной.

Ничего себе! Уснул на полу в мужском сортире! Что, черт возьми, с ним стряслось? Так... он полностью одет – пальто, тяжелые ботинки. Однако одежда кажется чужой... Паника постепенно отступала, сменяясь иным, более глубоким страхом.

Нужен свет.

Он поднялся на ноги, вглядываясь во мрак, пытаясь понять, где дверь. Вытянув руки перед собой, чтобы не наткнуться на что-нибудь невидимое, добрался до ближайшей стены и боком, по-крабьи, двинулся вдоль нее. Рука нащупала что-то холодное и гладкое – должно быть, зеркало; за ним – раздатчик бумажных полотенец, какой-то железный ящик, возможно, торговый автомат. Наконец пальцы легли на выключатель.

Яркий свет залил белые кафельные стены, бетонный пол, ряд туалетных кабинок с открытыми дверцами, кучу старого тряпья в углу. Как он сюда попал? Что с ним произошло?

Истерический страх вновь подступил к горлу, когда он осознал, что ничего не помнит.

Что было с ним вчера? А позавчера? Неизвестно. Пустота. Как его зовут?

Он повернулся к умывальникам. Зеркало отобразило грязного бродягу – в лохмотьях, всклокоченного, с безумным взглядом выпученных глаз. Пожалуй, не меньше секунды он смотрел на этого бродягу, не понимая, что видит. А потом понял – и отшатнулся с криком; человек в зеркале сделал то же самое.

Не в силах больше сдерживать панику, он воскликнул дрожащим голосом:

– Кто я?!

* * *

Куча тряпья в углу зашевелилась. Из нее возникла голова, и невнятный голос проворчал:
– Чего орешь, Люк? Ты такой же босяк, как я!

Люк. Его зовут Люк.

Даже за эту крупицу знания он готов был благодарить судьбу. Имя – не слишком много, но хоть какая-то опора.

Он взглянул на своего товарища: драное пальто, подпоясанное веревкой, хитрая чумазая физиономия.

– Ох, черт, как башка трещит! – пробормотал тот, протирая глаза.

– А ты кто? – спросил Люк.

– Да я это, дурачина! Я, Пит! Что, не узнал?

– Я не... – Люк судорожно сглотнул, подавляя панику. – Я ничего не помню!

– Неудивительно. Ты вчера, почитай, целую бутылку бурбона вылакал в одиночку! Чудо, что совсем не свихнулся. Лучше бы мне побольше оставил! – облизнувшись, добавил Пит.

Бурбон... что ж, тогда понятно, откуда похмелье.

– А зачем я выпил целую бутылку?

Пит громко заржал.

– Совсем с катушек съехал? Чтобы напиться, само собой, зачем же еще!

Люк почувствовал, что кафельный пол уходит из-под ног. Итак, он бродяга. Пьяница. Ночует в общественных туалетах.

Страшно хотелось пить. Он склонился над раковиной, открыл воду, жадно сделал несколько глотков прямо из-под крана. От холодной воды стало чуть лучше, и он осмелился снова взглянуть на себя в зеркало.

Теперь его лицо стало спокойнее; безумный взгляд исчез, сменившись недоумением. Зеркало показало человека лет под сорок, темноволосого и голубоглазого. Ни усов, ни бороды – только густая темная щетина.

– Люк... а дальше? – спросил он, повернувшись к своему товарищу. – Как моя фамилия?

– Люк... а хрен тебя разберет. Мне-то откуда знать?

– Как я до такого дошел?

– Знаешь, – сказал, поднимаясь на ноги, Пит, – по-моему, нам обоим пора подкрепиться.

Только сейчас Люк почувствовал, что голоден. Интересно, есть ли у него деньги? Он обшарил карманы: пальто, пиджак, брюки... везде пусто. Ни денег, ни бумажника, ни даже носового платка.

– Похоже, я на мели.

– Да неужто? – саркастически откликнулся Пит. – Ладно, пошли. – И побрел к дверям.

Люк двинулся следом.

На свету его ждало новое потрясение. Он оказался в огромном храме, пустом и загадочно молчаливом. Словно в церкви, в ожидании призрачной паствы, выстроились рядами на мраморном полу скамьи красного дерева. По периметру огромного зала на высоких колоннах застыли фантастические каменные воины в шлемах и со щитами – стражи святилища. Высоко над головой простерся белоснежный свод потолка, расписанный золотистыми восьмиугольниками. У Люка мелькнула безумная мысль: что, если он потерял память, став жертвой какого-то чудовищного обряда?

– Что это за место? – спросил он вполголоса в благоговейном страхе.

– Вокзал Юнион-стейшн, – ответил Пит.

Люк выдохнул с облегчением: происходящее обрело смысл. Теперь он заметил и грязь на стенах, и комок жвачки на мраморном полу, и конфетные обертки и окурки по углам. Ну конечно! Просто вокзал – ранним утром, когда еще нет пассажиров. Он сам нагнал на себя страху, словно ребенок, которому в темной спальне мерещатся чудовища.

Пит двинулся к арке с надписью «Выход», и Люк поспешил за ним.

– Эй! Эй, вы двое! – послышался грубый голос откуда-то сбоку.

– Вот черт! – пробормотал Пит и ускорил шаг.

К ним приближался толстяк, затянутый в железнодорожную форму – и явно кипящий от праведного гнева.

– Вы что здесь делаете, а? Бродяги чертовы!

– Уже уходим, уже уходим! – униженно пролепетал Пит.

Люку стало противно, но он промолчал.

Однако толстяку, как видно, мало было просто их выгнать.

– Вы что, здесь ночевали? – продолжал он, следуя за ними по пятам. – Вы же знаете, это запрещено!

Люк почувствовал, что закипает от гнева. Какого черта посторонний жирдяй распекает его, словно мальчишку? Впрочем, в конце концов он действительно ночевал в этой проклятой уборной.

– Здесь вам не ночлежка, уроды вонючие! – надрывался толстяк. – А ну проваливайтесь! – И толкнул Люка в плечо.

Люк резко обернулся.

– Не смейте меня трогать! – Он сам поразился холодной угрозе, прозвучавшей в его голосе. Толстяк-железнодорожник застыл, как вкопанный. – Мы уходим. Ничего больше не надо ни говорить, ни делать. Ясно?

Толстяк попятился, глядя на него с нескрываемым страхом.

– Пошли, пошли! – поторопил Пит.

В следующий миг Люку стало стыдно. Пусть этот парень – грубиян, но вокзальный служащий имел полное право выгнать бродяг. Зачем его запугивать?

Вместе с Питом он вышел через величественную арку в темноту. Перед входом в вокзал были припаркованы несколько машин. Стоял колючий холод, и Люк плотнее запахнулся в истрепанное пальто. Зима в Вашингтоне, морозное зимнее утро. Должно быть, январь или февраль.

Интересно, какой сейчас год?

Пит повернул налево; он явно знал, куда идти.

– Куда мы? – спросил Люк.

– На Эйч-стрит есть благотворительная столовка. Споешь гимн-другой – и получишь бесплатный завтрак.

– Я так голоден, что готов и ораторию исполнить!

Пит уверенно шагал по узким извилистым улочкам мимо многоквартирных домов для бедноты. Город еще спал: магазины, закусочные, газетные киоски – все закрыто. Бросив взгляд на окно первого этажа с дешевыми блеклыми занавесками, Люк вообразил себе неведомого хозяина этой квартиры – как он лежит сейчас под теплым одеялом, а под боком у него посапывает жена – и ощутил укол зависти. Что-то подсказывало ему, что его место здесь, в предрассветном сообществе людей, спешащих по своим делам, когда прочие еще спят. Вот рабочий в грубой одежде идет на работу; вот крутит педали велосипедист, закутанный в огромный шарф; вот проезжает мимо автобус, и в ярко освещенном салоне курит единственная пассажирка...

Мучительные вопросы крутились в голове и не давали покоя. Долго ли он пьет? Пробовал ли бросить? Есть ли у него родные, друзья? Как он познакомился с Питом? Где они раздобыли выпивку? Где пили? Но Пит молчал, и Люк сдерживал свое нетерпение: он надеялся, что, перекусив, его спутник станет поразговорчивее.

Впереди показалась церковь; маленькая и непрезентабельная с виду, она втиснулась между кинотеатром и табачной лавкой. Бродяги вошли в боковую дверь, спустились по лестнице в подвал и попали в длинную комнату с низким потолком. С одной стороны – небольшое возвышение и рояль, с другой – плита. Между ними три ряда длинных деревянных столов со скамьями. Здесь уже сидели трое бродяг, каждый за отдельным столом, и терпеливо ждали.

У плиты плотная женщина помешивала какое-то варево в кастрюле. Седобородый мужчина в воротничке священника, заметив новоприбывших, поднял взгляд от кофеварки и улыбнулся.

– Заходите, заходите! – приветливо заговорил он. – Идите сюда, в тепло!

Люк бросил на него подозрительный взгляд.

В подвале действительно было тепло, после ветра и мороза на улице – даже жарко. Люк расстегнул заскорузлое от грязи пальто.

– Утро доброе, пастор Лониган! – поздоровался Пит.

– Вы здесь уже бывали? – спросил пастор. – Что-то я вас не припомню.

– Я Пит, а это Люк.

– Надо же – Петр и Лука, как два апостола! – Улыбка и добрый юмор пастора казались вполне искренними. – Завтрак еще не готов, но у нас есть свежий кофе.

Удивительно, подумал Люк. Каждый день встает ни свет ни заря, чтобы накормить завтраком толпу бомжей – и ему еще хватает сил шутить и улыбаться!

Тем временем пастор разлил кофе по толстостенным кружкам.

– Молоко, сахар?

Любит ли он кофе с молоком? С сахаром? Этого Люк не знал.

– Да, спасибо, – ответил он наугад и, приняв кружку, сделал большой глоток.

Кофе показался ему тошнотворно сладким. Значит, «в прошлой жизни» он пил черный без сахара. Впрочем, напиток утолял голод – и Люк быстро прикончил всю кружку.

– Через несколько минут мы вместе помолимся, – проговорил пастор. – А тем временем подспеет знаменитая овсянка миссис Лониган!

К этому моменту Люк убедился, что его подозрения беспочвенны. Пастор Лониган – приятный человек, которому нравится помогать ближним.

Люк и Пит сели за грубый деревянный стол. Исподтишка Люк разглядывал своего спутника. До сих пор он обращал внимание лишь на лохмотья и грязь на лице, но теперь заметил, что во внешности Пита не заметны следы давнего бродяжничества и пьянства: нет ни вздутых вен, ни сеточки лопнувших сосудов на лице, ни шрамов, ни синяков. Кроме того, он молод – на вид не больше двадцати пяти. Однако во внешности Пита была приметная особенность: продолговатое багровое родимое пятно, идущее от уха к нижней челюсти. Зубы неровные и бесцветные. Темные усы он, должно быть, отрастил, чтобы отвлекать внимание от плохих зубов – в те дни, когда еще заботился о своей внешности. Люк чувствовал в нем какой-то подавленный гнев. Наверное, думал он, Пит обижен на весь мир – из-за родимого пятна на лице или по какой-то иной причине. Может быть, он из тех, кто верит, что страну губят враги – будь то китайские мигранты, негры, возмнившие себя равными белым, или те десять безымянных богачей, что втайне правят рынком ценных бумаг.

– На что это ты уставился? – поинтересовался Пит.

Люк пожал плечами и промолчал.

На столе лежали газета, раскрытая на странице с кроссвордом, и огрызок карандаша. Люк бросил на нее рассеянный взгляд, затем взял карандаш и принялся заполнять пустые клеточки.

Тем временем подходили все новые бродяги. Миссис Лониган поставила на стол высокую стопку тарелок и выложила груды ложек.

Люк угадал все слова, кроме одного – «знаменитый датский аристократ», шесть букв. Пастор Лониган заглянул ему через плечо, при виде решенного кроссворда удивленно поднял брови и негромко проговорил жене:

– «О, что за гордый ум сражен!»¹

«Гамлет!» – сверкнуло в голове у Люка, и он вписал недостающее слово. А затем подумал: «Откуда я это знаю?»

¹ Слова Офелии о Гамлете, акт III, сцена I, в русском переводе Т. Щепкиной-Куперник. (Прим. пер.)

Перевернув газету, он взглянул на первую страницу в поисках даты. Среда, 29 января 1958 года. Взгляд остановился на заголовке: «АМЕРИКАНЦЫ ОСТАЮТСЯ НА ЗЕМЛЕ». Он начал читать:

Мыс Канаверал, вторник. Вследствие технических проблем командование военно-морских сил США отменило уже вторую попытку запуска космической ракеты «Авангард».

Напомним, что первая попытка, состоявшаяся два месяца назад, окончилась провалом: «Авангард» взорвался в воздухе через две секунды после старта.

Теперь все надежды американцев запустить искусственный спутник Земли, который станет достойным соперником советскому спутнику, связаны с конкурентом «Авангарда» – ракетой-носителем «Юпитер».

Послышались звуки фортепиано, и Люк оторвал взгляд от газеты. Миссис Лониган наигрывала на рояле вступление к знакомому гимну. Переглянувшись, они с мужем запели «Иисус – наш самый верный друг», и Люк начал подпевать, радуясь тому, что знает слова.

Странную шутку сыграла с ним бутылка бурбона... Он может решить кроссворд, помнит церковный гимн – однако не помнит имени собственной матери. Быть может, он пьянствовал много лет, и в конце концов алкоголь нанес непоправимый ущерб его мозгу? Но как, как мог он так обойтись с самим собой?!

После гимна пастор Лониган прочел несколько стихов из Библии, а затем проникновенно сказал, что все они, здесь собравшиеся, могут спастись. Да уж, спасение этим людям не мешает, подумал Люк. Впрочем, сам он не испытывал желания положиться на Иисуса. Прежде чем искать Бога, хорошо бы найти самого себя.

Пастор прочел импровизированную молитву; все спели благодарение, выстроились в ряд с тарелками в руках, а миссис Лониган принялась раскладывать кашу по тарелкам и поливать сиропом. Люк съел три тарелки – и почувствовал себя гораздо лучше. Похмелье быстро отступало.

Ему не терпелось найти ответы на свои вопросы, и он обратился к пастору:

– Сэр, я ничего не помню о себе. Скажите, вы видели меня здесь прежде?

Лониган внимательно всмотрелся в него.

– По-моему, нет. Впрочем, каждую неделю здесь бывают сотни людей, и я могу ошибаться. Сколько вам лет?

– Не знаю, – ответил Люк, чувствуя себя круглым дураком.

– Мне кажется, под сорок. И вы определенно не долго живете на улице. Бродяжничество накладывает на человека определенный отпечаток. А у вас энергичная походка, кожа под слоем грязи чистая, и вы способны решить кроссворд. Бросьте пить, не откладывая, прямо сейчас – и сможете вернуться к нормальной жизни.

«Интересно, сколько бедолагам он уже говорил эти слова?» – подумал Люк.

– Постараюсь.

– Если вам понадобится помощь, обращайтесь.

Тут какой-то бродяга, судя по виду, умственно отсталый, принялся дергать пастора за рукав, и Лониган с терпеливой улыбкой повернулся к нему.

– Как давно ты меня знаешь? – спросил Люк у Пита.

– О!.. Да уже порядочно.

– Где мы ночевали прошлой ночью?

– Слушай, не парься. Пройдет немного времени, и ты все вспомнишь.

– Мне нужно понять, кто я.

– Знаешь что, – секунду поколебавшись, проговорил Пит, – по-моему, тебе нужно выпить! Пиво здорово прочищает мозги! – И он повернулся к дверям.

Люк схватил его за руку.

– Нет, пить мне совершенно не нужно! – отрезал он.

Казалось, Пит вовсе не хочет, чтобы к нему возвращалась память. Почему? Боится лишиться товарища? Что ж, очень жаль, но у Люка есть более важные дела, чем развлекать Пита.

– Я знаю, что мне нужно, – проговорил Люк. – Думаю, мне стоит какое-то время побыть одному.

– «Побыть одному!» Эй, ты кем себя вообразил? Гретой Гарбо?

– Я серьезно.

– А кто же за тобой присмотрит, если не я? В одиночку ты не выживешь. Черт, ты же даже не помнишь, сколько тебе лет!

На лице Пита читалась настоящая мольба; но Люк был непоколебим.

– Спасибо за заботу, – твердо ответил он. – Я должен выяснить, кто я такой. А ты мне в этом не помогаешь.

Мгновение поколебавшись, Пит пожал плечами.

– Ладно, дело твое. Может, еще свидимся.

– Может быть.

Пит вышел за дверь. Люк пожал руку пастору Лонигану.

– Спасибо вам за все.

– Надеюсь, вы найдете то, что ищете, – ответил пастор.

Люк поднялся по ступеням и вышел на улицу. У соседнего многоэтажного дома он увидел Пита: тот остановил какого-то прохожего в зеленом габардиновом плаще и такой же кепке и, должно быть, выпрашивал у него мелочь на пиво. Люк пошел в другую сторону и свернул на первом же повороте.

Было еще темно. Мерзли ноги: только сейчас Люк заметил, что на нем нет носков. Тем временем с неба посыпался легкий пушистый снег. Через несколько минут Люк пошел медленнее, сообразив, что спешить нет смысла. Можно и вовсе остановиться и переждать снег под козырьком подъезда.

Все равно идти ему некуда.

6.00

С трех сторон ракету окружает, как бы сжимая ее в стальных объятиях, сервисная башня. Башня – переделанная нефтяная вышка – снабжена двумя парами колес и может передвигаться по рельсам. Перед запуском ракеты эта обслуживающая структура размером с многоэтажный дом будет отодвинута на триста футов в сторону.

Элспет проснулась и сразу вспомнила о Люке.

Несколько мгновений она лежала в постели, переполненная тревогой за человека, которого любила. Затем села и включила лампу на прикроватной тумбочке.

Номер был обставлен «в космическом стиле»: торшер в виде ракеты, на стенах в рамках – сплошные планеты, орбиты и луны над инопланетными горизонтами. Фантазия явно заменяла художнику знание астрономии.

Элспет жила в «Старлайте» – одном из мотелей новой сети, застроившей все песчаные дюны вблизи курортного городка Кокоа-Бич во Флориде, в восьми милях к югу от мыса Канаверал, и гостеприимно распахнувшей двери навстречу новым гостям. Как видно, дизайнер счел космическую тему самой подходящей к случаю, однако Элспет все эти межпланетные красоты напоминали спальню десятилетнего мальчика.

Потянувшись к телефону на тумбочке, она набрала рабочий номер Энтони Кэрролла в Вашингтоне. Длинные гудки. Попробовала домашний номер – никто не ответил и там. Может быть, что-то случилось? «Нет, нет, – ответила себе Элспет, подавляя тошнотворную волну страха, – не о чем волноваться. Он просто едет на работу. Позвоню еще раз, через полчаса – тридцати минут-то ему точно хватит».

Принимая душ, она вспоминала Люка и Энтони в молодости, когда познакомилась с ними обоими. До войны они учились в Гарварде, она в Рэдклиффе². Оба парня пели в Гарвардском клубе любителей хорового пения: у Люка был очень недурной баритон, у Энтони – чудесный тенор. А она руководила женским хором Рэдклиффа и организовывала с Гарвардским клубом совместные концерты.

Люк и Энтони, неразлучные друзья... Странная пара. Оба высокие, спортивного сложения – но на этом сходство кончалось. «Красавец и Чудовище» – прозвали их девчонки из Рэдклиффа. Красавец – это, конечно, Люк: с черными кудрями, неизменно элегантно одетый. Энтони, с длинным носом и тяжелым подбородком, всегда в измятом и плохо сидящем костюме, на красавца никак не походил, но очаровывал девичьи сердца своей энергией и легким веселым нравом.

Быстро приняв душ, Элспет накинула халат и села за туалетный столик наносить макияж. Рядом с карандашом для век она положила наручные часы, чтобы перезвонить Энтони ровно через полчаса.

Тогда, во время знакомства с Люком, она тоже сидела за туалетным столиком в одном халате. Вышло это так: несколько гарвардцев, угостившись спиртным, решили совершить набег на женское общежитие Рэдклиффа. Поздно вечером влезли в открытое окно на первом этаже, чтобы стащить пару-тройку девичьих трусиков – обычное развлечение студентов тех времен. Странное дело, подумалось Элспет: ни она, ни другие девушки совершенно не боялись подвыпивших парней – самое большее, опасались лишиться деликатных предметов туалета. Наверное, и в самом деле люди в те времена были невиннее, чем сейчас?

² Гарвард – один из старейших и известнейших университетов США, расположенный в городе Кембридж, штат Массачусетс. Рэдклифф-колледж – престижное женское высшее учебное заведение, существовавшее в Кембридже с 1879 по 1999 год. В 1930–1940-х годах Рэдклифф функционировал в тесном сотрудничестве с Гарвардом, как его «женская половина» (Гарвард был чисто мужским). (Прим. пер.)

Какой-то счастливый случай привел к ней в комнату Люка. Оба они специализировались по математике и часто встречались на занятиях. Лицо парня скрывалось под маской, но Элспет узнала его по одежде: ирландский серый твидовый пиджак и уголок платка в красную крапинку, торчащий из нагрудного кармана. Она улыбнулась и указала рукой на шкаф, сказав только: «В верхнем ящике». Он выбрал белые шелковые трусики с кружевной отделкой, и Элспет ощутила укол сожаления – трусики были дорогими. Зато на следующий день Люк пригласил ее на свидание.

Она постаралась отвлечься от воспоминаний и сосредоточиться на макияже. Ночью Элспет плохо спала, и привычные, отработанные до автоматизма движения давались с трудом. Тональный крем, скрывающий следы усталости, бледно-розовая помада на губы. Она окончила Рэдклифф, у нее степень по математике – и все равно все ждут, что на работе она будет выглядеть как куколка!

Элспет расчесала волосы – рыжевато-каштановые, по моде подстриженные до подбородка. Быстро натянула спортивное платье без рукавов, в зелено-коричневую полоску, застегнула широкий кожаный пояс.

Прошло ровно двадцать девять минут.

Чтобы чем-то занять последнюю минуту, она задумалась о числе 29. Простое число – не делится ни на что, кроме единицы и самого себя, – но в остальном не слишком интересное. Единственное его необычное свойство – то, что $29 + 2x^2$ остается простым числом для любого значения x вплоть до 28. Она мысленно выстроила ряд чисел: 29, 31, 37, 47, 61, 79, 101, 127...

Пора! Элспет сняла трубку и снова набрала номер кабинета Энтони.

Никто не ответил.

1941

Элспет Туми влюбилась в Люка, как только он ее поцеловал.

По большей части парни из Гарварда совершенно не умели целоваться. Одни впивались тебе в губы так, что, казалось, вот-вот останутся синяки, другие разевали рот, словно в кресле зубного врача. Но когда ее поцеловал Люк – а было это в пять минут первого на тенистом заднем дворе общежития, – поцелуй его был страстным и нежным. Он ласкал губами не только ее губы, но и щеки, веки, горло; кончик языка осторожно проник меж ее губ, словно спрашивал позволения войти, – и у Элспет не возникло даже мысли ему отказать. А позже, у себя в комнате, она смотрела в зеркало на свое раскрасневшееся, счастливое лицо и шептала: «Кажется, я его люблю!»

Это было полгода назад. С тех пор ее чувство только окрепло. Оба учились на выпускном курсе и виделись почти каждый день. В будни встречались за обедом или выкраивали время, чтобы позаниматься вместе пару часов, ну а в выходные почти полностью принадлежали друг другу.

Немало девушек из Рэдклиффа обручались на выпускном курсе – со студентами из Гарварда или с молодыми преподавателями. Дальнейший путь их был прост и понятен: летом – свадьба, затем долгий медовый месяц, переезд в отдельную квартиру, работа. Через год или около того – первый ребенок.

Люк о свадьбе не заговаривал.

Сейчас, сидя рядом с Люком в отдельной кабинке бара «У Фланагана», Элспет не сводила с него глаз. Он был погружен в спор с Берном Ротстеном – высоким и тощим аспирантом с суровой, даже мрачной физиономией и пышными черными усами. Темные кудри Люка падали на глаза, и, увлеченно жестикулируя правой рукой, левой он порой привычным жестом откидывал их со лба. Когда он станет старше и найдет себе респектабельную работу, думала Элспет, ему, наверное, придется помазать волосы, чтобы они не лезли в глаза. А жаль – с непослушными кудрями он выглядит так сексуально!

Берн, как и многие студенты и преподаватели в Гарварде, был коммунистом.

– Твой отец – банкир! – проговорил он с отвращением. – И сам ты будешь банкиром. Разумеется, для тебя ничего нет лучше капитализма!

Элспет заметила, что к щекам Люка прилила краска. Только на прошлой неделе в журнале «Тайм» опубликовали статью, из которой явствовало, что отец Люка – один из десяти миллионеров, сумевших сколотить себе состояния во время депрессии. Однако Элспет догадывалась: Люк краснеет не потому, что его обозвали сынком богача, а потому, что любит свою семью и не хочет терпеть даже завуалированных обвинений в адрес отца. Ей тоже стало обидно за него, и она с жаром возразила:

– Берн, мы не судим людей по их родителям!

– Не вижу ничего плохого в работе банкира, – добавил Люк. – Банки помогают начинать свое дело и создавать новые рабочие места.

– Ага, как в двадцать девятом!

– Все совершают ошибки. Да, иногда банки кредитуют не тех, кого следовало бы. Но, знаешь, солдаты на войне тоже иногда стреляют не в тех – однако я не говорю, что ты убийца!

Пришла очередь Берна покраснеть и насупиться. Три или четыре годами старше остальных, он успел съездить в Испанию и повоевать добровольцем на тамошней гражданской войне; теперь, быть может, ему вспомнились какие-то трагические сцены из военного прошлого.

– Во всяком случае, – заключил Люк, – я становиться банкиром не намерен.

Пег, подруга Берна, взглянула на него с интересом. Эта простенькая с виду девушка тоже была пламенной коммунисткой, однако не обладала острым языком своего приятеля.

– А кем же ты хочешь стать? – спросила она.

– Ученым.

– И чем будешь заниматься?

– Межпланетными исследованиями, – выпрямившись, гордо ответил Люк.

Берн насмешливо расхохотался.

– Полеты в космос? Да это сказки для школьников!

– Придержи язык, Берн! – снова бросилась на защиту Люка Элспет. – Тебе-то откуда знать? – В Гарварде Берн специализировался по французской литературе.

Впрочем, Люка насмешка вовсе не задела. Он, похоже, привык к тому, что люди усмеются, услышав о его мечте.

– Я думаю, однажды мы полетим в космос. И вот что еще скажу тебе, Берн: уже при нашей жизни научный прогресс сделает для обычных людей столько, сколько твоим коммунистам и не снилось!

Элспет чуть поморщилась: о политике он порой рассуждал, как сущий ребенок.

– Ты слишком все упрощаешь, – проговорила она. – Блага науки доступны лишь элите.

– Неправда, – возразил Люк. – Пароходы улучшили жизнь не только пассажиров, но и матросов.

– А ты был когда-нибудь в машинном отсеке океанского лайнера? – поинтересовался Берн.

– Был – и там никто не умирал от цинги!

– Эй, ребята! – послышался вдруг новый голос, и над столом нависла высокая широкоплечая фигура. – Чем это вы тут заняты? Алкоголь распиваете? А вам всем уже есть двадцать один год?

Это был Энтони Кэрролл, в синем саржевом пиджаке, как обычно, таком изжеванном, словно Энтони не снимал его и на ночь. А с ним... Элспет с трудом подавила невольный возглас удивления – никак не ожидала она увидеть рядом с Энтони такую красотку! Хрупкая миниатюрная девушка в модном красном жакете и черной юбке, в лихо заломленной набок алой шляпке, из-под которой густым водопадом падали на плечи и спину пушистые темные кудри.

– Познакомьтесь с Билли Джозефсон! – представил свою спутницу Энтони.

– Джозефсон... – Берн повернулся на стуле и окинул новую знакомую пристальным взглядом. – Вы еврейка?

От такого прямого вопроса она, кажется, смутилась.

– Да.

– Значит, сможете выйти за Энтони замуж – но даже не надейтесь попасть в его загородный клуб!

– Я не состою в загородном клубе! – запротестовал Энтони.

– У тебя еще все впереди! – заверил Берн.

Люк встал, чтобы пожать Энтони руку, при этом неловко толкнул стол и опрокинул бокал. Такая неуклюжесть была совсем не в его духе; с легкой досадой Элспет заметила, что он не сводит глаз с Билли.

– Признаюсь, я удивлен, – заметил он, одаривая новую знакомую своей самой очаровательной улыбкой. – Когда Энтони сказал, что встречается с девушкой по имени Билли, мне сразу представилась девица шести футов роста и с борцовскими мускулами!

Билли весело рассмеялась и скользнула на скамью рядом с Люком.

– На самом деле меня зовут Билла, – объяснила она. – Это библейское имя. Служанка Рахили и мать Дана³. Однако выросла я в Далласе, а там все звали меня Билли-Джо.

– Скажи, она прелесть! – вполголоса проговорил Энтони, усаживаясь рядом с Элспет.

В сущности, Билли нельзя было назвать красавицей. Вглядываясь в ее лицо, Элспет ясно видела в нем недостатки: узкое, с мелкими чертами, острый нос, слишком большие темные глаза. И все же девушка была обворожительна. В ней привлекало все вместе: алая помада на губах, лихо заломленная шляпка, протяжный тexasский выговор и более всего – живость и одушевленность. Не успев присесть, она уже рассказывала Люку какой-то тexasский анекдот – и не столько рассказывала, сколько изображала в лицах, то улыбаясь, то хмурясь, разыгрывая целую сцену.

– Очень милая, – согласилась Элспет. – Странно, что я ее раньше не замечала.

– Она мало ходит по вечеринкам – почти все время посвящает учебе.

– А где же ты с ней познакомился?

– Заметил ее в Музее Фогга. На ней тогда было зеленое пальто с латунными пуговицами и берет, и я подумал: точь-в-точь игрушечный солдатик!

Ну нет, на игрушку Билли совсем не похожа, подумала Элспет. Она куда опаснее. Как раз в этот миг Билли, рассмеявшись какому-то замечанию Люка, с игривым упреком шлепнула его по руке. Разозленная таким откровенным кокетством, Элспет обратилась к ней:

– А вы не боитесь опоздать к комендантскому часу?

К десяти часам вечера студенткам Рэдклиффа предписывалось быть в общежитии, у себя в спальнях. В принципе разрешалось возвращаться и позже, но всякий раз это была целая история: студентке приходилось вписывать свою фамилию в специальный журнал, объяснять, куда она идет и когда вернется, и время ее возвращения потом проверяли. Однако ученицы Рэдклиффа не зря славились умом и способностью находить нестандартные выходы из самых затруднительных ситуаций.

– Ко мне, видите ли, приехала тетушка, остановилась в «Ритце». Сегодня я ночую у нее, – ангельским голоском объяснила Билли. – А у вас какая версия?

– Никаких версий – просто окно на первом этаже, которое открыто всю ночь.

– На самом деле я переночую в Фенвее, у друзей Энтони, – понизив голос, объяснила Билли.

Поймав взгляд Элспет, Энтони запротестовал:

– Это знакомые моей матери, у них просторная квартира... И нечего бросать на меня такие викторианские взгляды! Страшно респектабельная семья!

– Надеюсь, – чопорно проговорила Элспет. От нее не укрылось, что Билли залилась краской – и, как ни стыдно признаться, это доставило ей удовольствие. – Милый, – проговорила она, повернувшись к Люку, – во сколько у нас фильм?

Он взглянул на наручные часы.

– Нам уже пора.

На выходные Люк арендовал машину, двухместный «Форд» с кузовом модели А, выпущенный лет десять назад. В сравнении с плавными обтекаемыми линиями новых автомобилей, мчащихся мимо по шоссе, эта тесная колымага выглядела непрезентабельно. Однако Люк вел неказистый автомобиль умело, явно наслаждаясь своим мастерством водителя.

В кинотеатре «Лоуи» они смотрели новый фильм Альфреда Хичкока «Подозрение». В темноте Люк приобнял Элспет, а она положила голову ему на плечо. Все было бы чудесно, если бы не сюжет фильма – история брака, обернувшегося кошмаром; совсем не то, на что Элспет хотелось бы смотреть вместе с Люком.

³ В русском Синодальном переводе Библии – Валла. (Прим. пер.)

Около полуночи они вернулись в Кембридж и, проехав по Мемориал-драйв, остановились в парке, на берегу Чарльз-ривер, неподалеку от эллинга. Обогревателя в машине не было; Элспет подняла меховой воротник пальто и прижалась к Люку в поисках тепла.

Они разговаривали о фильме. Элспет считала, что в реальной жизни героиня Джоан Фонтейн, спокойная и рассудительная девушка, воспитанная чопорными родителями, едва ли влюбилась бы в такого «обаятельного негодяя», какого сыграл Кэри Грант.

– Так поэтому-то она на него и запала! – возразил Люк. – Почуяла в нем опасность!

– Разве опасные люди привлекательны?

– Еще как!

Элспет отвернулась и уставилась на отражение луны в беспокойных волнах. Ей вспомнилась Билли Джозефсон: опасная штучка, это уж точно!

Почувствовав ее раздражение, Люк сменил тему.

– Кстати, сегодня профессор Дэвис сказал мне, что я могу, если хочу, защитить диссертацию прямо здесь, в Гарварде.

– Почему он об этом заговорил?

– Я упомянул, что надеюсь попасть в округ Колумбия. «Зачем? – ответил он. – Оставайтесь здесь!» Я объяснил, что в Нью-Йорке живет моя семья – а он на это: «Семья? Пфф!» Как будто тот, кто хочет чаще видеться с сестренкой, никогда не станет серьезным математиком!

Люк был старшим из четверых детей. Мать его была француженкой; они с отцом Люка познакомились в Париже в конце Первой мировой войны. Элспет знала, что Люк очень любит братьев-подростков, а одиннадцатилетнюю младшую сестру просто обожает.

– Профессор Дэвис – холостяк, – ответила она. – Он живет только работой.

– А ты не думала защититься?

Сердце Элспет пропустило такт.

– Думаешь, стоит? – Что это? Он просит ее поехать вместе с ним в Колумбию?

– Почему нет? Ты в математике круче большинства наших парней.

– Я всегда хотела работать в Госдепартаменте...

– И жить в Вашингтоне?

Элспет не сомневалась, что Люк не планировал этого разговора. Просто размышлял вслух. Таковы мужчины: запросто, мимоходом говорят о том, что способны определить всю твою жизнь. Однако мысль о том, что они могут разъехаться по разным городам, ему явно не понравилась. Что ж, думала Элспет, у этой задачи очень простое решение – и, несомненно, очевидное ему, как и ей!

– Ты когда-нибудь была влюблена? – вдруг спросил Люк. И, словно сообразив, о чем спрашивает, поспешно добавил: – Извини, это очень личный вопрос, я не имею права спрашивать...

– Все нормально, – ответила Элспет. Желание Люка поговорить о любви играло ей на руку. – Да, было дело, – небрежно бросила она, с удовлетворением отметив, что по его лицу в неверном лунном свете скользнула тень неудовольствия. – В семнадцать лет. В то время в Чикаго начались забастовки сталелитейщиков, а я тогда очень увлекалась политикой. Вот и пришла в штаб забастовщиков и предложила свою помощь. Передавать сообщения, варить кофе, все такое. Там был один молодой активист по имени Джек Ларго, мы работали вместе, – и я в него влюбилась.

– А он в тебя?

– Что ты, конечно, нет! Ему было двадцать пять лет, и на меня он смотрел как на ребенка. Разумеется, был со мной милым, обаятельным... Он со всеми таким был. – Поколебавшись, она добавила: – Хотя... однажды он меня поцеловал.

Наверное, этого не стоило рассказывать Люку – однако Элспет слишком хотелось выговориться. Никому и никогда еще она об этом не рассказывала.

– Мы с ним вдвоем в задней комнате упаковывали листовки. Я сказала что-то такое, что его рассмешило, – уже не помню, что. И вдруг он говорит: «Элли, ты просто сокровище!» – знаешь, он был из тех людей, что всех вокруг называют сокращенными именами, ты для него наверняка стал бы «Лу». Так вот, он сказал: «Ты просто сокровище» – и меня поцеловал. Прямо в губы. Я чуть от счастья не умерла. А он пошел дальше раскладывать листовки по коробкам, как будто ничего не случилось.

– Мне кажется, он все-таки тоже был в тебя влюблен.

– Не знаю.

– А что было дальше? Где он сейчас?

Элспет покачала головой.

– Умер.

– Как? Такой молодой!..

– Его убили. – Она сглотнула непрошенные слезы. Еще не хватало, чтобы Люк решил, что она до сих пор тоскует по Джеку! – Администрация завода наняла двух полицейских. После смены, в штатском, они подкараулили Джека в пустынном месте и забили до смерти арматурой.

– Господи Иисусе! – проговорил Люк, глядя на нее широко раскрытыми глазами.

– Все в городе знали, кто это сделал, но никого так и не арестовали.

Он взял ее за руку.

– Я читал о таких случаях в газетах, но мне казалось, это что-то из другой жизни...

– Это реальность. Завод должен работать и приносить прибыль. Всякого, кто попытается этому помешать, сотрут в порошок.

– Послушать тебя, получается, что наша промышленность ничем не лучше организованной преступности.

– По-моему, особой разницы в самом деле нет. Ладно, неважно. Я этим больше не занимаюсь, с меня хватит. – Вот дура! Люк заговорил о любви – а она умудрилась перевести разговор на политику. – А ты? – спросила она, возвращаясь к прежней теме. – Ты кого-нибудь любил?

– Даже не знаю, – с сомнением в голосе ответил он. – Наверное, я вообще не очень понимаю, что значит «любить».

Типично мужской ответ!.. Но в следующий миг он ее поцеловал, и Элспет расслабилась.

Ей нравилось прикасаться к нему во время поцелуев: кончиками пальцев гладить волосы, уши, затылок – нежно, словно касаниями крыльев бабочки. Иногда он отрывался от ее губ, чтобы с легкой улыбкой взглянуть на нее; в такие мгновения ей вспоминались слова Офелии из «Гамлета»: «Стал пристально смотреть в лицо мне, словно его рисуя»⁴. А потом вновь склонился к ее губам. «Что ж, – думала Элспет, – по крайней мере, я ему действительно нравлюсь».

– Не понимаю, – наконец произнес он, – почему говорят, что семья – это скучно! Ведь женатых людей ничто не отвлекает!

О, он заговорил о семье!

– Их отвлекают дети, – с улыбкой ответила Элспет.

– А ты хотела бы когда-нибудь иметь детей?

Элспет ощутила, что ее дыхание учащается. О чем он спрашивает?

– Конечно.

– Я хотел бы четырех.

Как и у него в семье!

– Мальчиков или девочек?

– И тех и других.

⁴ «Гамлет», акт II, сцена 1 (в переводе Т. Щепкиной-Куперник). (Прим. пер.)

Наступило молчание – Элспет боялась заговорить, чтобы не спугнуть мгновение. Пауза затягивалась. Наконец Люк поднял на нее серьезный взгляд.

– А ты что об этом думаешь? Четверо детей – как тебе?

Только этого Элспет и ждала!

– Разумеется, если они будут твоими, – со счастливой улыбкой ответила она.

В ответ он снова ее поцеловал.

В воздухе заметно холодало; они с неохотой развернулись и поехали к дому, в общежитие Рэдклифа.

Когда они проезжали по Гарвард-сквер, кто-то помахал им с обочины.

– Энтони? – воскликнул Люк. – Что он здесь делает?

В самом деле, это был Энтони – и с ним Билли.

Люк приоткрыл окно, и Энтони подошел к машине.

– Какая удача, что я тебя поймал! Выручи меня, ладно?

Билли, дрожащая от холода, стояла у него за спиной; видно было, что она в ярости.

– Что вы здесь делаете? – спросила Элспет.

– У нас беда. Понимаете, друзья из Фенвея куда-то уехали на выходные. Наверное, перепутали даты. И теперь Билли некуда идти.

Ах да, вспомнила Элспет. Билли соврала о том, где проведет ночь, – и, если теперь явится в общежитие, ее обман раскроется.

– Я повез ее в Хаус. – Энтони говорил о Кембридж-Хаусе – мужском общежитии, где жил в одной комнате с Люком. – Думал, она поспит у нас, а мы с Люком проведем ночь в библиотеке.

– Да ты с ума сошел! – проговорила Элспет.

– Многие так делают, и обычно все прокатывает, – вставил Люк.

– Только не сейчас. Нас засекли.

– О господи! – воскликнула Элспет.

Студентка в комнате у студента, особенно ночью – серьезнейшее нарушение: за такое отчисляют обоих провинившихся.

– Кто вас видел? – быстро спросил Люк.

– Джефф Пиджон и с ним еще целая толпа.

– Ладно, Джефф не заложит... А еще кто?

– Я не уверен. Свет мы не включали, а они все были пьяные. Утром поговорю с ними.

Люк кивнул.

– Хорошо, но теперь-то что делать?

– У Билли есть двоюродный брат в Ньюпорте, на Род-Айленде, – сказал Энтони. – Не сможешь ли ты отвезти ее туда?

– Что? – воскликнула Элспет. – До Ньюпорта добрых пятьдесят миль!

– Ну да, дорога займет час-другой, – отмахнулся Энтони. – Так как же, Люк?

– Не вопрос, – ответил Люк.

Иного ответа Элспет и не ожидала. Она понимала, что для Люка помочь другу – дело чести. Почему же ее охватило такое раздражение?

– Спасибо, старина! – поблагодарил Энтони.

– Без проблем, – ответил Люк. – Хотя погоди, проблема есть. Машина-то у меня двухместная.

Элспет открыла дверь и вышла из машины.

– Садитесь, – коротко бросила она, сама стыдясь своей неприветливости. Что дурного в том, что Люк пришел на помощь другу в беде? И все же ей невыносима была мысль о том, что несколько часов он проведет в тесном салоне наедине с этой сексапильной штучкой – Билли Джозефсон!

– Элспет, – окликнул Люк, видимо, почувствовав ее раздражение, – возвращайся в машину, давай я сначала довезу тебя до общежития.

– Не стоит, – ответила она, с усилием натягивая маску любезности. – Энтони меня проводит. А вы, Билли, скорее садитесь, а то замерзнете до смерти.

– Ну, если ты уверена... – проговорил Люк.

Элспет от души пожалела о своем благородстве. Слишком уж легко он согласился!

– Не знаю, как вас благодарить! – воскликнула Билли, чмокнув Элспет в щеку. Затем села в машину и захлопнула дверь, даже не попрощавшись с Энтони.

Люк помахал им и тронулся с места.

Энтони и Элспет, стоя на тротуаре, смотрели, как «Форд» растворяется во тьме.

– Черт! – пробормотала Элспет.

6.30

На белоснежную стенку ракеты нанесены огромные черные буквы UE. Буквенно-цифровой код очень прост:

HUNTSVILLEX

1 2 3 4 5 6 7 8 9 0

Таким образом, UE означает номер ракеты – 29. Код придуман для того, чтобы не давать иностранным разведкам подсказок о количестве созданных ракет.

Над продрогшим городом занимался серый день. Люди выходили из домов, шуря глаза и морщась от пронзительного ветра и кусачего холода, поднимали воротники и почти бежали по улице, стремясь поскорее оказаться в своих офисах и магазинах, отелях и ресторанах – там, где тепло и светло.

Только Люку некуда было идти. Одна улица для него ничем не отличалась от другой, ибо ни с одной из них его ничто не связывало. Быть может, при следующем повороте за угол его озарит – он узнает место, где вырос, или здание, в котором работал... Увы, каждый поворот приносил ему лишь разочарование.

В бледном утреннем свете он разглядывал попадавшихся на пути прохожих. Что, если где-то среди них – отец, брат, сестра или, быть может, даже сын? Его не оставляла надежда, что какой-нибудь незнакомец, встретившись с ним взглядом, вдруг бросится к нему с распростертыми объятиями, восклицая: «Люк, где ты пропал? Что с тобой? Идем, я тебе помогу!» Впрочем, быть может, встреченный родственник отвернется от него с каменным лицом и пройдет мимо. А может статься, что все его родные живут где-нибудь в другом городе.

Нет, похоже, ему не повезет. Никто из прохожих не бросался с радостными криками навстречу, и в улицах, по которым он проходил, не ощущалось ничего знакомого. Просто бродить по городу, мечтая об удаче, – не лучшая стратегия. Нужен план. Должен же быть какой-то способ выяснить, кто он!

Вдруг он числится в списках пропавших без вести? Наверняка такие списки существуют. Где их искать? В полиции, разумеется.

Мимо отделения полиции он проходил несколько минут назад. Люк развернулся, чтобы направиться в обратную сторону, – и едва не сшиб с ног молодого человека в зеленом габардиновом плаще и такой же кепке. Где-то он его уже видел... Взгляды их встретились; на мгновение Люку показалось, что незнакомец его узнает, – но в следующий миг тот смущенно отвел глаза и пошел своей дорогой.

Проглотив разочарование, Люк решил пойти обратно по своим следам. Это было не так-то легко: он шел в задумчивости, сам не зная куда, сворачивая или переходя улицы по своей прихоти. Впрочем, рано или поздно полицейский участок ему на дороге попадется.

На ходу он пытался извлечь из памяти хоть какую-нибудь информацию о себе. Вот высокий мужчина в серой фетровой шляпе зажег сигарету и с наслаждением затянулся; глядя на него, Люк не ощутил желания закурить. Значит, в «прежней» жизни он не курил. Мимо проносились автомобили: Люк с удовольствием любовался их плавными очертаниями, низкой посадкой – и знал, что это новые модели. Мог даже назвать марку и модель. Эта безличная информация удержалась в его мозгу, как и умение говорить по-английски. Должно быть, в прошлой жизни ему нравилась быстрая езда, и теперь он не сомневался в том, что умеет водить машину.

Бросая взгляд на свое отражение в витринах, Люк видел там потрепанного бродягу без возраста. Однако, глядя на прохожих вокруг, он без труда мог примерно определить, сколько им лет – двадцать с чем-то, тридцать, сорок или еще больше. Более того: он заметил, что машинально делит встречных на тех, кто старше его и кто моложе. Задумавшись об этом, Люк сооб-

разил, что люди лет двадцати с небольшим кажутся ему молодыми, а старше сорока – старыми. Выходит, ему где-то между тридцатью и сорока.

Эти маленькие победы над амнезией сильно его приободрили.

Однако, задумавшись, он сбился с дороги. С неудовольствием Люк заметил, что оказался на захолустной улочке, полной дешевых лавчонок: магазины одежды с кричащими вывесками «Распродажа! Скидки!» поперек витрин, ломбарды, продуктовые лавки с консервами. Люк оглянулся, размышляя, куда идти дальше... и наткнулся взглядом на молодого человека в зеленом габардиновом плаще. Тот стоял у витрины, разглядывая выставленный в ней телевизор.

«Может быть, он за мной следит?» – нахмурясь, подумал Люк.

Шпик, ведущий слежку, всегда один; в руках у него обычно нет ни сумки, ни портфеля, и выглядит он как празднично слоняющийся бездельник. Тип в зеленом плаще под это определение подходил.

Впрочем, это несложно проверить.

Люк дошел до конца квартала, пересек улицу и пошел обратно по другой стороне. Дойдя до конца, остановился и посмотрел в обе стороны. Зеленый плащ маячил ярдах в тридцати от него. Люк снова перешел улицу. Чтобы не вызывать подозрений, он рассматривал подъезды, словно искал номер улицы и дома. Так он дошел до того места, откуда начал свой эксперимент.

Тип в зеленом плаще шел следом.

Сердце Люка забилось быстрее. Человек, следящий за ним, определенно что-то о нем знает. Может быть, знает, кто он?

Однако, несмотря на возбуждение, рассудительный голос в голове поинтересовался: «А откуда, интересно, тебе известно, как определить слежку?» Люк задумался. Трудно сказать. Может быть, он сам за кем-то следил, прежде чем стать бродягой?

Ладно, об этом подумает позже. А сейчас ему нужна остановка автобуса. В карманах потрепанного пальто и брюк не было ни цента: наверняка вчера он все до последнего гроша истратил на выпивку. Но не беда. Мелочь вокруг повсюду: в карманах у людей, в магазинах, в такси.

Теперь Люк смотрел вокруг себя уже другими глазами. Подмечал газетные киоски, которые можно ограбить, сумки, которые можно вырвать из рук, карманы, которые можно обчистить. Заглянул в небольшую кофейню – увидел крепкого мужчину, стоящего за стойкой, и официантку, обслуживающую столики. Что ж, место не хуже любого другого. Он толкнул дверь и вошел.

Обшарил взглядом столики, надеясь, что там найдутся оставленные чаевые. Ничего. Люк подошел к стойке. Здесь громко хрипело радио – передавали утренние новости: «По утверждениям экспертов, это наш последний шанс сравняться с русскими в гонке за освоение космического пространства...» Бармен за стойкой делал эспрессо: от сверкающей кофемашины валил пар, и от аппетитного запаха у Люка едва слюнки не потекли.

Что должен сказать бродяга?

– Эй, у вас черствой булочки не найдется? – спросил он.

– Вали отсюда! – пробурчал бармен.

Люк подумал было о том, чтобы перепрыгнуть через стойку и вскрыть кассу – но нет, это уж слишком. Ему нужно всего-то несколько центов на автобусный билет!.. В следующий миг он увидел то, что искал. Возле кассы, совсем рядом с ним, стоял ящик с щелью в крышке, а на нем – фотография ребенка и надпись: «Поможем незрячим!» Люк сдвинулся так, чтобы своим телом загородить ящик от бармена и официантки. Оставалось лишь отвлечь бармена.

– А может, пару центов дадите? – жалобно протянул он.

– Ну ладно! – угрожающе проговорил бармен. – Сам напросился! – И, со стуком поставив кофейную кружку на стойку и вытерев ладони о передник, нырнул под стойку.

Пролезая под стойкой, он не видел Люка – а Люку это и было нужно! Он схватил ящик для пожертвований и сунул за пазуху. Ящик был легким, но все же в нем что-то звякнуло, значит, не совсем пустым.

Бармен схватил Люка за ворот и потащил к дверям. Люк не сопротивлялся, пока у самого порога бармен не пнул его коленом под зад. Тут, забыв о своей роли, Люк резко повернулся, сжав кулаки. Бармен изменился в лице и поспешно юркнул в кафе; Люку показалось, что он испугался.

«А почему, собственно, я так разозлился?» – спросил себя Люк. Он попросил милостыню – и не ушел, когда ему велели уйти. Быть может, пинок под зад был лишним – но ведь он это заслужил: в конце концов, он стащил деньги, предназначенные для слепых детишек!

И все же ему стоило немалых усилий скрыть гордость, повернуться и, низко опустив голову, с видом побитой собаки побрести прочь.

Нырнув в безлюдный проезд между домами, Люк подобрал с земли острый камень и принялся потрошить свою добычу. Вскоре ящик поддался. Внутри были мелкие монетки, в основном по одному центу, – всего доллара два или три. Люк сунул их в карман и вернулся на улицу. Спасибо небесам за благотворительность, подумал он. Выберись из этой передраги – непременно пожертвую слепым три доллара!

Или нет, лучше тридцать.

У киоска, уткнувшись в газету, стоял тип в зеленом плаще.

В нескольких ярдах от Люка остановился автобус. Куда он едет, Люк понятия не имел, – но это было и неважно. Он вошел. Водитель хмуро на него покосился, однако выгонять не стал.

– Мне выходить через три остановки, – сказал Люк.

– Неважно, когда выходить, – проворчал водитель. – Если у тебя нет проездного, то билет стоит семнадцать центов.

Люк расплатился украденной мелочью.

Пробираясь в заднюю часть автобуса, он бросил взгляд в окно, ища глазами своего преследователя. Человек в зеленом плаще шагал прочь, зажав газету под мышкой. Люк нахмурился. Выходит, он за ним вовсе не следил? Шпик сейчас старался бы поймать такси... «Да, должно быть, мне показалось», – разочарованно подумал Люк.

Автобус тронулся, и Люк сел на свободное место.

Он вновь задумался о том, откуда все это знает. Определенно, он где-то учился следить за людьми или уходить от слежки. Но где? Может быть, он служил в полиции? Или это как-то связано с войной... А чем, интересно, он занимался на войне? Люк помнил, что несколько лет назад была война: Америка воевала с Германией в Европе и с Японией на Тихом океане, – однако даже не представлял, чем занимался в это время он сам.

На третьей остановке он вышел вместе с еще несколькими пассажирами. Огляделся. Такси поблизости не было, типа в зеленом плаще – тоже. Один из пассажиров, вышедших вместе с ним, подошел к дверям магазина и начал рыться в карманах. На глазах у Люка он достал сигарету, чиркнул спичкой и с наслаждением затянулся.

Это был высокий человек в серой фетровой шляпе.

Люк понял, что сегодня его уже видел.

7.00

Стартовая площадка – это, по сути, огромный стальной стол на четырех ногах и с отверстием в середине, через которое проходит реактивная струя. Конический отражатель под «столом» гарантирует горизонтальное отклонение реактивной струи.

Энтони Кэрролл ехал по Конституишн-авеню на пятилетнем «Кадиллаке Эльдорадо», доставшемся ему от матери. Позаимствовал его год назад, чтобы добраться до Вашингтона из Вирджинии, где жил вместе с родителями, – и так и не собрался вернуть. Ничего, мама наверняка уже купила себе другую машину.

Он заехал на парковку возле Корпуса Кью в Алфавитном Ряду – длинной веренице мрачных, похожих на бараки строений, во время войны наспех выстроенных в парке неподалеку от Мемориала Линкольна. Хотя здания не радовали глаз, Энтони они нравились: ведь большую часть войны он провел здесь, в работе на Управление стратегических служб – организацию, из которой впоследствии выросло ЦРУ. Добрые старые деньки, когда секретные агенты могли творить что хотели – ну, почти, – и ни перед кем, кроме президента, не отчитывались.

Штат ЦРУ рос быстрее, чем у любой другой правительственной организации, и на том берегу Потомака, в Лэнгли, для него уже возводилась новая штаб-квартира стоимостью во много миллионов долларов. Когда ее достроят, знал Энтони, Алфавитный Ряд будет снесен.

Против переезда в Лэнгли Энтони боролся что есть сил – и не только потому, что с Алфавитным Рядом у него были связаны дорогие воспоминания. Сейчас ЦРУ занимало тридцать одно здание, и Энтони доказывал, что так должно быть и впредь. Пока разведывательное управление разбросано на целый квартал, иностранным разведкам трудно оценить его ресурсы и масштабы деятельности. Если же оно будет располагаться в одном-двух зданиях, чтобы понять, сколько людей там работает, достаточно будет разок проехать мимо.

Увы, этот спор Энтони проиграл. Большие шишки из правительства предпочитали держать ЦРУ под одной крышей – так легче было за ним присматривать. Энтони считал, что секретная служба – для отчаянных парней, настоящих сорвиголов. В годы войны так оно и было. Теперь же в его вотчине правили бал счетоводы и канцелярские крысы.

На парковке у Энтони было свое место, под табличкой: «Руководитель Службы технического обеспечения», однако сегодня он плюнул на правила и припарковался прямо возле крыльца. Подняв глаза на уродливое здание перед собой, он задумался о том, не будет ли его снос означать конец эпохи. Все чаще он проигрывает бюрократические битвы – хоть и по-прежнему остается в Управлении очень влиятельной фигурой. «Служба технического обеспечения» – не что иное, как эвфемизм для подразделения, занятого взломами, прослушиванием телефонов, испытанием запрещенных веществ, – словом, теми сторонами секретной службы, которые закон не одобряет. Неофициальное его название – «Департамент грязных трюков». Энтони занял свое положение отчасти благодаря военному послужному списку, отчасти – из-за нескольких удачных операций в годы холодной войны. Но времена изменились, и теперь многие хотят, чтобы ЦРУ в самом деле превратилось в то, чем воображают его обыватели: простое агентство по сбору информации!

Только через мой труп, думал Энтони.

Однако кругом враги. Чинуши, не любящие его за склонность говорить правду в глаза, слабые, некомпетентные агенты, обиженные на то, что он не дает им продвигаться по службе, канцелярские крысы, недовольные уже тем, что секретная служба занимается – вы только подумайте! – секретными операциями... Все только и ждут, когда он споткнется, чтобы накинуться на него и разорвать.

И сейчас он, как никогда, близок к провалу.

Входя в здание, Энтони отбросил все посторонние заботы и сосредоточился на главной проблеме. Доктор Клод Люкас, для друзей Люк. Самый опасный человек в Америке. Человек, поставивший под угрозу все, ради чего Энтони живет.

Большую часть ночи Энтони провел у себя в кабинете, домой вернулся только побриться и сменить рубашку. Неудивительно, что охранник в холле встретил его изумленным возгласом:

– Доброе утречко, мистер Кэрролл! Как, уже вернулись?

– Во сне мне явился ангел и сказал: «А ну-ка быстро за работу, бездельник!» Доброе утро.

Охранник рассмеялся.

– Сэр, вас ждет мистер Макселл.

Энтони нахмурился. Пит Макселл должен быть сейчас с Люком. Что-то пошло не так?

Он взбежал по лестнице.

Пит Макселл сидел в кресле напротив стола Энтони – все еще в тряпье бродяги, разводы грязи на лице частично скрывали родимое пятно. Увидев Энтони, Пит вскочил с испуганным видом.

– Что случилось?

– Люк заявил, что хочет побыть один.

Этого Энтони и ожидал.

– Кто за ним следит?

– Саймонс, Беттс на подхвате.

Энтони задумчиво кивнул. От одного агента Люк избавился; где гарантия, что он не сумеет избавиться и от остальных?

– А как его память?

– Вообще ничего не помнит.

Энтони снял пальто и сел за стол. Он догадывался, что с Люком без проблем не обойдется, и услышанное не застало его врасплох.

Он взглянул на своего собеседника. Пит – неплохой агент, толковый и внимательный. Правда, неопытный – но этот быстро проходящий недостаток с лихвой искупает его фанатичная преданность Энтони. Все молодые агенты знали, что Энтони лично организовал легендарное убийство – в сочельник 1942 года в Алжире его подчиненные ликвидировали одного из вишистских вождей, адмирала Дарлана⁵

⁵ Убийство адмирала Жана-Луи-Ксавье-Франсуа Дарлана (1881–1942), одного из лидеров вишистского режима во Франции – историческое событие. Дарлана застрелил в его штаб-квартире участник французского Сопротивления Фернан де ла Шапель, как считается, действовавший в одиночку. (Прим. пер.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.